

Москва, правда. — 1995. — 17 марта. — 1.9.

“Я БЫВАЮ МЕРЗКИМ, НО ЧАЩЕ — ВОЗВЫШЕННО ПРОСВЕТЛЕННЫМ

(Константин КИНЧЕВ охотно — о супружнице, о семье, о пристрастиях, о фанах, неохотно — о себе, о роке, об искусстве)

Мне на самом деле, когда я слышу или читаю что-то вроде “рок — это образ жизни” или “рок как род искусства”, становится смешно и делается чуть-чуть грустно: я этих рассуждений не люблю, я их избегаю, и есть что-то тупое в этом — сложное и естественное подчинить формуле. Мне, честно говоря, наплевать на высокие формулировки. Я-то спокойно, без суеты, для себя — и, если есть желание, для тебя — могу сказать, чем я занимаюсь, но без этих тупых слов про “смысл жизни” и так далее, вплоть до “предназначения искусства”, которые были только словами, есть и будут.

Мне в кайф то, что я делаю. Я играю. Пою. Получаю наслаждение, которое все равно не описать, не старайся. У Души праздник? Душе хорошо? Значит, “верной дорогой идешь, товарищ”. Тем делом занят, которое тебе и нужно. А как дело называется — это десятый вопрос. Просто ищешь такой способ самовыражения, чтоб он в первую очередь кайф доставлял, вот чего.

Фаны — особая статья, отдельный разговор. Они совсем не страшные: меня расстраивали и смешали попытки (которые и теперь есть, по крайности, есть представление о них как о каком-то жупеле) выставить их какой-то чудовищной сатанинской силой, разрушительной стихией, губительной и деклассированной. Но это галиматья! Фаны — это часть явления “алисомания”, явления это пестрое, в нем и то, и это; из названия ясно, что речь идет о культе, а как в культе без своей церемонии, без ритуала? Никак нельзя: одно продолжает другое, проистекает из другого, поэтому все эти разговоры про дьявольщину, про сатанизм... Одно могу сказать определенно: то, что мы делаем на сцене, — это в известном смысле вампиризм. Но — обоюдный вампиризм. Потому что в нашем деле только брать энергию или только отдавать невозможно — по определению. Здесь обмен, вот чего.

Я не раз уже говорил, что все очень относительно, а особенно применительно ко всяким громким категориям “плохо — хорошо”, “черное — белое”, “бес — Бог”... Но это все высپرнение теории, а как быть, например, со мной грешным, если я бываю и мерзким, и возвышенно просветленным. И ты, Отар, такой же — ну нет разве? И если говорить об этом делении и помнить, что каждый соткан из противоречий, то надо отдавать себе отчет, что за себя в ответе только ты, а не какой-то там космос. Ты и будь, собственно говоря, лучше. Стремись (противное слово).

Вообще меня любая категоричность, то есть одноклеточность такая в любом проявлении, неприятает. Ко всему нужен очень деликатный подход.

Я скажу такую вещь: я сильно различаю альбом и концерт. Концерт — физиологическое действие потому что. Концерт — обмен энергией пото-

му что (еще раз в этом месте напомним: энергия не бывает черного цвета или белого цвета; энергия либо есть, либо — увы...), и если есть энергия — это рок. Рок, который есть страсть. И тут я утверждаю, что занимаюсь не музыкой, но самовыражением: фиксируйте, дорогие! Фиксируйте, Отар! Поскольку Кинчева до меня не было и не будет после, есть только один. Вот он — перед тобой, перед вами.

Что же до альбома, альбом — нечто полярное. Жалуюсь, что слов не слышно. Но я скромно отношусь к своему голосу и считаю, что в гитарной музыке гитара должна быть впереди. Я так, в конце концов, хочу.

Я хочу, сколько возможно, быть независимым. Так я могу ответить на вопрос о ночных клубах. Они отпадают сразу и навсегда. Я дорожу своей армией, а моя армия недостаточно богата, мягко говоря, и если бы я... это было бы просто неприлично. Приобретать новый класс поклонников я не хочу. Играть перед жующими пиджаками я считаю западно. Я себя просто люблю, Отар, понимаешь ли.

“Калинов мост” мне очень по душе. Гениальная музыка, гениальная поэзия. Мы дружим почти десять лет.

С “Агатой Кристи” сложнее: они мне никогда не нравились. Но я наблюдаю их взлет и — почему нет? — рад в определенной степени. “Агата” никогда ведь рок не играла, по этой причине мне сложно о них говорить.

С Аллой Борисовной у меня особые отношения. Она исправно приглашает на концерты, и я исправно хожу. Когда у нее сольные концерты, я покупаю одну желтую розу и торжественно ей вручаю (это у меня такой ритуал).

Алла — очень мудрая женщина. Очень.

Мы с Сашей (Панфиловой — очаровательной супружницей, работающей в “Пост-музыкальных новостях”. — О.К.) вместе с 90-го года. Предыдущая жена живет в Москве. Сын у меня там растет — семь лет... Меня тот брак не устраивал. И тут нашлась Сашка, и началось (смеется. — О.К.)... Мы дружим семьями, у нее мужик есть, очень хороший парень, воспитывает моего сына. В гости хаживаем.

Что касается всех этих рассказов про немислимое количество женщин — дели все на десять, Отар. Пока я Сашку не встретил, я искал ее, искал и обламывался, искал и обламывался, нашел и мне больше не нужно. В свободное от работы время я люблю общаться с этой женщиной: она такая, такая...

Рок — без секса, без наркотиков, без алкоголя немислим. Что за рок без этого? Профанация.

Из литературы я сразу могу назвать самое гениальное — это Гоголь, “Мертвые души”: мне их еще бабушка читала. Мой заветный список таков:

Гумилев, Высоцкий, Пастернак, Цветаева, Хлебников, Мандельштам.

...Да, про музыку я не досказал. “ЧайФы” мне прежде больше нравились — было больше... ну, не знаю. Были очень классные песни. Теперь — не мое.

У Гарика Сукачева другая болезнь: он разбрасывается. Он думает, что он настолько талантлив, что в любой сфере будет на высоте, а так не бывает. Нельзя разбрасываться.

Нет, погоди, давай про Сашку лучше. Сашка — ураган! Из-за этого и семья очень похожа на ураган: случаются такие кризисные моменты... жуткие скандалы... потом неодолимая тяга друг к другу и решенный секс.

Вообще я живу совершенно нормальной жизнью, и мне она кажется прекрасной (тут же я оговариваюсь, что кому-то — дерьмом собачьим). Чтобы жить, надо просто жить, а не увлекаться теориями. Надо иметь... определенное мужество. Понимаешь, почему я так говорю? Суицид я считаю мужской слабостью. Отсутствие духа, отсутствие стержня — вот чем считаю. Это случается от того, что у человека огромная душа и ей тесно в оболочке.

Но есть момент, по которому я хотел бы четко определиться. Более всего меня огорчают разговоры, что “Кинчев претендует на роль шамана там, арбитра, педагога”. Отар, похож я на козла? По жизни у меня вечный статус, вечная роль Ученика. Дай Бог самому чему-то толковому научиться, а не то что кого-то учить: от этого Господи упаси!

Исповедь принимал Отар КУШАНАШВИЛИ.

От исповедника. Константин Кинчев симпатичен тем, что — не прикидывается. Святые угодники! Когда б вы знали, насколько я изголодался — и как причудлив по профессии “журналиста” — по общению с неприкидывающимися людьми (вы, должно быть, изрядно меня понимаете?)!

Он искренен, импульсивен, покоен, философичен, но это всегда ироничная философия. А громадная беседа, записанная мной для “Нового Взгляда” (там вы, уповаю, ее и прочтете — всю, целиком), “демонстрирует” персону ровнорную, истого мужика и большого музыканта с сердцем ребенка... Собственно, эта характеристика читается даже в этих рваных выборках.

Автор выражает признательность обем Сашам (деловому представителю и жене) и журналистке Ольге Абросовой за то, что постарались и помогли автору.

